

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/82/9

Концепты «Время» и «Ускорение» как константы утопического типа сознания в сверхповести В. Хлебникова «Зангези»

Светлана Леонидовна Андреева¹, Майя Леонидовна Бедрикова²

^{1,2} *Институт гуманитарного образования Магнитогорского государственного
технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия*

¹ 216zamsv@mail.ru

² mlbedrikova@gmail.com

Аннотация. Концепты «Время» и «Ускорение» исследуются как константы утопического типа сознания на материале сверхповести «Зангези» в контексте трактата «Доски Судьбы» и других произведений В. Хлебникова. Анализ метафоры и интертекстуальных связей раскрывает новаторство поэта-утописта, изменившего традиционную расстановку концептов в утопической концептосфере и отдавшего приоритет концепту «Время». Идейную и художественную целостность сверхповести формирует широчайший гипертекст, кодируемый приемом зауми.

Ключевые слова: утопический тип сознания, концептосфера, концепты «Ускорение», «Время», футуризм, В. Хлебников, «Зангези», «Доски Судьбы»

Для цитирования: Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Концепты «Время» и «Ускорение» как константы утопического типа сознания в сверхповести В. Хлебникова «Зангези» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 191–217. doi: 10.17223/19986645/82/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/82/9

The concepts “Time” and “Acceleration” as constants of a utopian type of consciousness in Velimir Khlebnikov’s supersaga *Zangezi*

Svetlana L. Andreeva¹, Maya L. Bedrikova²

^{1,2} *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation*

¹ 216zamsv@mail.ru

² mlbedrikova@gmail.com

Abstract. The authors examine the concepts “Acceleration” and “Time” in the context of other constants of the utopian type of consciousness based on the material

of the works *Zangezi* (1922), the poem *Boards of Destiny* (1922), as well as other poetic, dramatic works, treatises and articles by Velimir Khlebnikov (1885–1922), a futurist poet, a consistent “budetlyanin”, a unique, not fully understood and underestimated utopian thinker. The line-by-line analysis of metaphors and intertextual connections of *Zangezi* allows the authors to show Khlebnikov’s innovation in solving the main issue of utopia – achieving happiness and likening a person to God. According to the authors of this article, the poet’s innovation consists in a special interpretation of the analyzed concepts that fit into the general conceptual framework of utopia and that are objectified by techniques familiar to the utopian thought of the late 19th and early 20th centuries and developed in the context of the futuristic ideas of their time. The artistic integrity of *Zangezi* is achieved by the widest hypertext that Khlebnikov provides by using the literary method “zaum”. Meanings, ideas, symbols, images from the seemingly disordered text transform into a harmonious embodiment of the main idea of conquering time. Zaum is a code for hypertext, a symbolic canvas Khlebnikov draws through the cultural contexts of different eras and peoples. Zaum is needed to read the new utopian idea that previous generations uncovered to the prophetic poet – “shaman”. The cultural code Khlebnikov deciphered and presented in his final supersaga *Zangezi* does not “throw off the ship of modernity” the achievements of other cultures and generations, but unites them, forming a new universal timeless continuum, where time (past, present, future) remain, but the transience of life is not essential since a person can “walk” in time. He controls it completely and he has the ability to go to the past or the future, connect with the following or previous generations. Khlebnikov offers his own solution to the problem of the “siege of time, words and multiplicities”, his own breakthrough into the Future, more precisely, into all times – into a timeless continuum.

Keywords: utopian type of consciousness, conceptual framework, concepts “Time” and “Acceleration”, futurism, Velimir Khlebnikov, *Zangezi*, *Boards of Destiny*

For citation: Andreeva, S.L. & Bedrikova, M.L. (2023) The concepts “Time” and “Acceleration” as constants of a utopian type of consciousness in Velimir Khlebnikov’s supersaga *Zangezi*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 191–217. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/9

Введение

В многообразии теорий, грандиозных футурологически-утопических экспериментов конца XIX – начала XX в. творческие и философские построения Велимира Хлебникова, безусловно, выделяются по ряду оснований, что подвигает нас к исследованию новаторства его идей именно в русле реализации и возможной трансформации утопического типа сознания (далее – УТС).

В изучении наследия Хлебникова в контексте движения футуризма намечилось несколько этапов: при жизни поэта вышла работа Р. Якобсона, отметившего особую миссию поэта в познании Времени – «быть стрелочником на путях встречи Прошлого и Будущего» [1]; в 1980-е гг. базовыми в хлебниковедении («велимироведении») стали труды В. Альфонсова [2], В. Григорьева, А. Парниса, М.Я. Полякова [3], Р. Дуганова [4], Е. Ковтуна [5]; в 1990–2000-е гг. увидели свет статьи В. Маркова (Калифорния, 1954) [6]; но-

вейший период отмечился работами Х. Барана [7], Р. Грюбеля [8], А.М. Крусанова [9. Т. 2], И. Кукуя [10], И. Лоцилова [11], Д.А. Пашкина [12], А.А. Россомахина [13], К. Соливетти [14, 15] и др. В работе Х. Барана дан текстологический обзор контекстов прочтения произведений Хлебникова: будетлянство (В. Григорьев); утопии Хлебникова и открытия науки XX в. (Вяч. Вс. Иванов, В. Бабков); универсальные языки (Н. Перцов); визуальные источники (Н.И. Харджиев, Д.В. Сарабян, Е.Ф. Ковтун, А.Е. Парнис, Р.В. Дуганов) [7]. К перечисленным следует добавить прочтение «Зангези» в издании свержповести к 135-летию Хлебникова (мастерская Б. Трофимова [16]), а также мифопоэтический контекст этого произведения [3, 8, 11]). Однако в контексте структуры утопического сознания новаторство Хлебникова пока не рассматривалось.

Творческий поиск Хлебникова, смысл его лингвистических, философских и литературных экспериментов проявляется в итоговом сочинении поэта – свержповести «Зангези», произведении драматического рода, синтезирующем в себе черты нескольких жанров. Еще в 1922 г. межжанровость «Зангези» отметил К. Локс: «...это и поэма, и драма, скорее, трагикомедия, ещё правильнее – автобиография! <...> соответствует духовному миру Хлебникова, в котором так причудливо сочеталось доисторическое чутье к слову с инстинктом какого-то первобытного гадателя <...>. Участвуют – Зангези-поэт, птицы, боги, буквы, слушатели, горе, смех» (цит. по: [17. С. 171]). Дискуссии о жанре «Зангези» ведутся с 1960-х гг. (Р. Вроон [18], Р. Грюбель [8], И. Кукуй [10], А. Россомахин [13], К. Соливетти [15] и др.). Именно эта итоговая вещь, взятая в контексте всего творчества поэта, на наш взгляд, способна пролить свет на особенность взгляда Хлебникова-утописта на Будущее людей, нашей страны и мира. Она связала воедино хлебниковские тексты, лишила его творчество мнимой разрозненности образов и сюжетов.

В данной статье мы придерживаемся характеристик жанровой специфики свержповести «Зангези», выявленных в 1985 г. Р. Дугановым, в их числе: а) сложность неканонической жанровой системы Хлебникова: малые формы (стихотворения), большие формы (поэмы, драмы, рассказы, повести) и так называемые свержповести; б) установка на большую форму; в) новаторство; г) тяготение В. Хлебникова к поэме; д) внешняя разорванность, фрагментарность, хаотичность хлебниковских сюжетов в свержповести, которые «обретают целостность, развернутость и системность в контексте межтекстовых связей в его творчестве» [4. С. 145–146, 150]. Кроме того, для нас важны «монтажность» свержповестей (монтаж из самостоятельных стихотворений), отмеченная К. Соливетти [14], и увиденный Р. Врооном «межродовой переход» произведений Хлебникова из лирического регистра в драматический [18. С. 268].

Для выявления целостности утопической идеи и метафоричности свержповести, последовательного выстраивания ее интертекстуального поля при анализе концептов «Время» и «Ускорение» мы следовали построчному и «поплоскостному» анализу текста, поскольку формальным структурным

элементом «Зангези» является «плоскость» – «математическая двухмерность, смысловая замкнутость и двухвалентная ценность», которая, по мнению Р. Грюбеля, «сохраняет, несмотря на разнородный образ частей, общий принцип распределения» [8. С. 288]. В целесообразности такого метода нас убедили трактовка «плоскостей» как жанровых символов многомерности и многослойности текста, данная В.П. Григорьевым и А.Е. Парнисом [3], и «новая текстология», предложенная А.А. Россомахиным (автор-составитель последнего масштабного издания «Зангези» [13]). «Плоскости» обнаружили в себе «интертекстуальное аксиоматическое значение» [17. С. 287], а их состав (21+1 «плоскость») стал интерпретироваться в некоторых комментариях как скрытый расклад карт Таро – способ предсказания, реализованного в макроструктуре творения В. Хлебникова [11, 19].

Методы исследования, примененные в данной работе, определяются целью представить идею Будущего в творении Хлебникова «Зангези» в аспекте сопоставления с традиционной концептосферой утопий. Применяется контекстуальный метод, предполагающий широкий охват произведений Хлебникова и установление их связи для выявления единого замысла и смысла сверхповести «Зангези». Данный метод обнаруживает сквозные мотивы и образы в поэзии автора-футуриста и, прежде всего, в репрезентации концептов «Время» и «Ускорение». В соответствии с объектом исследования использован концептуальный анализ, обнаруживающий репрезентации выбранных для анализа концептов в рамках хлебниковской утопической концептосферы, объективированной в тексте итогового произведения поэта и более широком контексте его творчества. Метод концептуального анализа позволяет установить изменения в характере и способах представления концепта «Время» как концепта УТС в художественном мире этого автора и зафиксировать формирование и отражение нового утопического концепта советской эпохи – «Ускорение». Для обозначения новаторства Хлебникова в освоении утопических концептов в процессе создания картины Будущего нами использован метод дешифровки элементов зауми при последовательном рассмотрении частей «Зангези» на сюжетно-композиционном уровне с целью выявления смыслов каждой «плоскости» произведения и создания оснований для применения системного, историко-сравнительного методов в комплексе с семиотическим методом при анализе интертекстуальных связей и характеристике сверхповести «Зангези» как широкого гипертекста.

1. Концепты «Время» и «Ускорение»: взгляд утопистов

В трудах о художественной концептосфере литературных утопий и антиутопий на рубеже XX–XXI вв. концепт «Время» связывается с концептом «Пространство», что соответствует общенаучному подходу к интерпретации соответствующих философских категорий.

В УТС концепт «Пространство» получил статус центрального конституирующего концепта. Достаточно вспомнить, что утопия переводится с

греч. *υ-τοπος* как «место, которого нет» и что сотни утопий были сосредоточены именно на описании места для счастья (Царствие Небесное, страна на краю земли, затерянный мир, остров, горные вершины, подземный мир, космическое пространство и т. п.). Утопическое пространство служит каркасом для утопии, определяет ее образную систему, сюжет и проч. Проектирование или поиск пространства счастья – главное дело утопистов; параметру времени всегда была отведена вспомогательная роль.

Концепт «Время» поддерживал идею удаленности, недоступности пространства: в утопии события обычно происходят в далеком Прошлом или Будущем либо во сне – особом измерении категории времени (в интерпретации П.А. Флоренского [20]), отличающемся нереальной скоростью следования событий. Отдельно «утопическая судьба» концепта «Время» – не сопутствующего, но ключевого концепта утопии – до сих пор недостаточно описана, несмотря на огромный пласт имеющихся трактовок категории времени в физике, философии, лингвистике, психологии и других науках, начинающих свои исследования с интерпретации древнейших мифов, пророчеств, где присутствует толкование прошлого времени и объясняется появление человека, семьи, рода, мира. Основы анализа онтологической категории времени были заложены Платоном, Аристотелем, Зеноном Элейским и др. (см. [21. Т. 3; 22–24]). В рамках данной статьи мы не ставим перед собой задачу обзора всех научных трактовок времени, труды по проблеме времени известны и доступны [25–28]. Отметим лишь ключевые основания для категории времени в УТС, чтобы отразить специфику интерпретации выбранных концептов у В. Хлебникова.

Утопический взгляд на время просматривается в идее Греха человечества, утратившего счастье в Прошлом. Об этом и библейская идея Рая, и древнегреческая идея золотого века (рода) [14] (о динамике идеи счастья см. современные труды [19]). Традиционно будущее счастье человека считалось достижимым только через прохождение этапа страдания души, праведной и аскетичной жизни, воздержания в Настоящем. Заметим, что традиционно Будущее занимало умы человечества в большей мере (ср. футурология), чем Прошлом и Настоящее, но и в этом противопоставлении времен Прошлом было привлекательней практически обесценившегося Настоящего. Примечательно, что интерес к Будущему возрос именно с расцветом социальных утопий, продвигавших новую дерзкую идею о счастье при жизни человека, т.е. в Настоящем. И здесь возникает парадокс утопической интерпретации Настоящего: невозможность практической (технической, технологической, идеологической и т.д.) реализации идеи счастья в Настоящем делает привлекательным Будущее.

Цель достижения счастья при жизни человека вывела на авансцену УТС проблему времени, которая заключалась в решении вопроса о скоротечности жизни, потому что будет справедливо, если человек не просто построит счастье в Настоящем (при жизни), но и успеет насладиться им. Так на повестку дня утопистов вышла проблема смерти, при решении которой сам собой решался вопрос времени.

У Хлебникова сложилась своя концепция смерти. А.Д. Пашкин замечает, что нет «ни одного значимого <...> произведения поэта, где бы ни фигурировало событие смерти; но само оно часто, почти всегда, становится главным событием этих произведений («Госпожа Ленин», «Дети Выдры», «Ка», «Зангези», «Ночной обыск» и др.)» [12]. Счастье не абсолютно, потому что оно омрачается мыслью человека об уходе из жизни его самого и / или его близких. Идея Хлебникова решить проблему времени для достижения счастья возникает и воплощается в утопической свержповести «Зангези». Концепт «Время» в ней самоценен, он основной в концептосфере его утопии: время ложится в основу сюжета («прорыв в Будущее») и функционирует как среда (пространство), по «пространственным» стереотипам утопий, открывая новые, глобальные горизонты для счастья человечества. **Суть концепции в полном времени NB!** не только будущих, но всех поколений живущих и предшествующих.

Утопическая идея Хлебникова состоит в преодолении скоротечности жизни для избавления от неполноты счастья в Настоящем. Традиционные проблемы (болезни, голод, зависть, любовь, бедность и т.п.), важные для других утопистов, кажутся Хлебникову вторичными, пока над всем довлечет проблема времени. Человеку, новому богу, управляющему миром, мало счастливого Будущего и Прошлого, ему мало даже счастливого Настоящего – ему нужно «полное время», т.е. все времена сразу: полнота счастья заключается в свободе выбора любого времени. Такой временной континуум тесно связан с утопическим концептом «Всеобщность» («Всемирность»), но Хлебников взывал не к всевластию, а к единению **со всеми поколениями человечества**. Он указал способ изжить одиночество единством родства и с предками и с потомками. Сама направленность утопии Хлебникова на «всевременную коммуникацию» (связь с поколениями «до» и «после») не характерна для большинства утопий. В этом мы видим гуманистическое новаторство его концепции и специфику его картины УТС.

В XX в. в утопической структуре концепта «Время» сформировался новый концепт – «Ускорение». Он созрел, обрел силу и содержание на рубеже XIX–XX вв., что по времени совпадает с годами жизни В. Хлебникова (1885–1922). Данный концепт даже получил черты национального утопического концепта, статус официальной константы нашей государственной политики в XX в. Ю.С. Степанов в работе «Константы: Словарь русской культуры» связывает рождение идеи «ускорения хода времени» с «панибратским обращением с концептом “Время” в культуре советского периода» [29. С. 249–250]. В числе доказательств появления концепта «Ускорение» ученый приводит стихотворение «Левый марш» (1918) и поэму «Хорошо» (1927) В. Маяковского; роман В. Катаева «Время, вперед!» (1932); сведения из нормативных актов СССР о «новом» учете времени (лозунг «Пятилетку – за три года», нормы учета труда – «зачесть два дня ударной работы за три и т. п.») и др. О В. Хлебникове в Словаре Ю.С. Степанова не упоминается, но, несмотря на это, хлебниковская идея решения проблемы времени абсолютно вписывается и в общий утопический вектор проблемы

времени, и в частный, управленческий, вектор УТС. Как минимум два главных произведения Хлебникова большой жанровой формы внесли значительный вклад в утопическое осмысление сути Времени: в 1920–1922 гг. поэт создал итоговые взаимосвязанные произведения – сверхповесть «Зангези» и трактат «Доски Судьбы». Зерно концепта «Ускорение» было заложено богоборческой идеей утопии – не ждать покорно Царствия Небесного, но самим создать его аналог на земле. Известными «ускорителями» процесса выступают наука и техника (ср. технологический утопизм), отсюда доминирование, начиная с середины XIX в., утопических концептов «Машина», «Инженер», «Техника», «Наука», «Управление» и т. п. Однако технологический вектор УТС по ускорению жизни все еще направлен в Будущее, которое мыслится как ближайшее, не далекое. Но проблема Настоящего времени оставалась все еще нерешенной в УТС начала XX в.: Настоящее сохраняло статус технологически необходимого, но не главного этапа на пути к счастью, хотя именно этот период и есть жизнь человека, время, когда необходимо непременно переживание абсолютной удовлетворенности жизнью, чувства наивысшего удовольствия. Концептуальным наполнением данного этапа жизни человека (= Настоящего), согласно УТС, были концепты «Труд», «Государство», «Смерть», «Любовь» и неkot. др.

Ускорение настоящего времени явилось логически обоснованной технологией решения главной задачи достижения Счастья, закономерным новым исходом критики действительности – обязательного древнейшего атрибута утопии, рожденного идеей регресса человечества в сравнении с «золотым родом». Однако если Настоящее перестает быть ценностью для человека, то и сама жизнь человека, и его поколения обесцениваются (об этом все антиутопии). Проблему «перекоса» в пользу Будущего в УТС точно выразил Б. Гройс: «...социалистическое общество нельзя назвать справедливым, ведь оно основано на дискриминации прошлых поколений в пользу будущих» [30. С. 10].

Концепция Хлебникова в решении вопроса времени снимает эту несправедливость, поэтому у человека появляется возможность быть одновременно во всех временах. Время каждого поколения, его опыт, вклад в развитие человечества, в этом случае становится бесценным, значимым. Именно поэтому концепт «Время» ключевой в проекте всеобщего Счастья и Свободы по Хлебникову. Главная задача – снять «осаду временем» так, чтобы избавить человечество от прокрустового ложа Прошлого, Настоящего и Будущего; найти гармонию между ожидаемой бесконечностью счастья и скоротечностью жизни.

При всей оригинальности цели подход Хлебникова к ее достижению в общем традиционен для УТС: ведь идея счастья человека решалась через поиск технологии управления временем (не смешивать с *time management* и *work-life balance!*) с помощью математического расчета, получение возможности войти в любое время или быть во всех временах сразу («своеобразная машина времени», ср. с романом Г. Дж. Уэллса «Машина времени»

(1895), хотя в «Зангези» собственно механизм перемещения не уточнён. Главное, время можно прогнозировать, и поэтому им можно управлять.

Новаторство автора «Зангези» в трактовке концепта «Время» заключается в изобретении технологии (а не просто машины времени) вечной жизни в трех временах – сразу во всех измерениях. Дань традиции УТС в том, что время не развивается. В.И. Мильдон, характеризуя типичное для УТС отношение к историческому течению времени, уточняет: «По своей сущности утопия не знает становления, развития – обнаружения скрытых качеств, перехода от зачаточных форм к зрелым. Развитие для нее – знак проклятия мира, его греховности. Спасение состоит в преодолении всего изменчивого и временного, в обретении неколебимого и навсегда полученного, коротко говоря, в избавлении от истории» [31. С. 15]. У Хлебникова время образует единый бесконечный временной континуум, временное пространство, где жизнь не утекает безвозвратно, а существует в разных временных состояниях. В.Н. Альфонсов подчеркивает, что, «историческое время <...> для Хлебникова, безусловно, существует, оно реальность: поэт это время “считал”, отражал, предугадывал» [2. С. 205], но во временном континууме изменчивость исторического времени – это лишь смена циклов. Ощущение глобального, полного времени примиряет человека с быстротечностью его жизни и смертью, поскольку ему доступны все временные «агрегатные» состояния.

Будучи футуристом, Хлебников подчёркивал свой статус «воина будущего», считая этот статус «сверхцелью и атрибутом подлинного поэта», «поэта как провозвестника новой эпохи и как ее демиурга» [15. С. 298–299]. Предсказуемость времени позволяет человеку (избранному провидцу) войти в ментальные миры. Каналом входа в миры времени является слово, точнее, словотворчество, своеобразный «код доступа».

2. «К материку времени, в неведомую страну». Время как пространство для Всеобщего счастья

Я хотел найти оправдание смертям
В. Хлебников

2.1. «Знать день и час, когда мы родимся вновь»

Поиск законов времени ведет Хлебникова к изучению Будущего в произведениях «Утес из будущего» [32] и «Труба марсиан» [33]. Поэт вычисляет время и управляет им с помощью «досок судьбы». Проекты построения Всеобщего Счастья всегда разбивались о смертность человека и проблему времени. Хлебников пишет: «Когда сопоставляются вместе Число и Смерть, кажется, что встретились два старинных противника на очень узкой дорожке» [34. С. 104]. В манифесте «Наша основа» (1919) поэт утверждает: «Сейчас, благодаря находке волны луча рождения <...> меняется и наше отношение к смерти <...> будем знать день и час, когда

мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия» [35. Т. 6].

Новому «*временамазу*», «*трубачу-глашатаю чистых законов времени*» требовалось найти «системную ошибку» (исправить *временной аришин*), вычислить пульс Вселенной и составить ее уравнение (*уравнение внутреннего пояса светил солнечного мира*) [36. Т. 2. С. 9]. «Время» как ключевой концепт в концептосфере утопии Хлебникова теснит пространство. В «Досках Судьбы» (глава «Глашатай. Починка мозгов») сказано: «*Не события управляют временем, а время ими*» [36. Т. 2. С. 45]. Время – перевернутое пространство, его закон постижим: «*клик числа <...> одно и то же его дерево в трех плоскостях: 1) времени, 2) пространства, 3) множеств или толп*» [36. Т. 2. С. 36]. В «Досках Судьбы» в работе «Слово о числе и наоборот» Хлебников разъясняет связь «чистых законов времени» с пространством. Найденные формулы времени представляются Хлебникову словно бы знакомыми, ассоциируются с пространственными: «*Похожие на дерево уравнения времени, простые, как ствол в основании, и гибкие, живущие сложной жизнью ветвями своих степеней, где сосредоточен мозг и живая душа уравнений, казались перевернутыми уравнениями пространства, где громадное число основания увенчано единицей, двойкой или тройкой, но не далее. Это два обратных движения в одном протяжении счёта, решил я*» [36. Т. 2. С. 11]. Задача утописта – предвидеть Будущее, а предвидение есть «тонкое, изящное решение уравнений времени», альтернатива которому только война [36. Т. 2. С. 43]. Поэт подчеркивает: «*Я не выдумывал эти законы; я просто брал живые величины времени <...> и смотрел, по какому закону эти величины переходят одна в другую, и строил уравнения, опираясь на опыт. И числовые скрепы величин времени выступали одна за другой в странном родстве с скрепами пространства, в то же время двигаясь по обратному течению*» [36. Т. 2. С. 12]. Динамика времени (его движение от Прошлого через Настоящее к Будущему) циклична: «*...событие, достигшее возраста 3 в степени n дней, меняет свой знак на обратный (множитель да-единица как показатель пути сменяется множеством нет-единицей +1 и -1), что через повторные времена числового строения 3 в степени n события относятся друг к другу, как два встречных поезда, идущих по одному и тому же пути, на малых степенях n*» [36. Т. 2. С. 14–15].

Далее Хлебников дифференцирует время государств (глобальные показатели степени) и время отдельных людей (малые). Именно малые степени: «*управляя возмездием или сдвигами в строении общества, давая в числах древний подлинник, древние доски своего перевода на язык слов: “Мне отпущение и Аз воздам”*» [36. Т. 2 С.15].

Быть свободным и равным Богу – вот цель человека: «*...высота отвлечения расширяет условный круг настоящего времени <...> и под грозные завывания трубы: “несть времени!”*» [36. Т. 2. С. 36]. Божий промысел – в расчетах: «*...мы открываем страницы времямерия и судьбомерия, пишем чертежи грядущих столетий и теишем тело Бога из глыбы чистого числа,*

избегая слова» [36. Т. 2. С. 29]. Преодолеть травму смерти возможно, нужно лишь расширить «условный круг настоящего времени».

Итак, судьбы народов – это проекция в настоящем их прошлого и будущего. Уравнение «очищенного Времени» Хлебников составил и решил, измерив соотношения между событиями. В эпоху расцвета технологических утопий математика, как царица наук, заставляла утопистов примерять математический анализ к личности и социуму, стандартизировать потребности в попытке освободить человека от зависти (ср. Замятин критиковал это в антиутопии «Мы» (1920) [19, 37]). Новаторство Хлебникова в том, что традиционный для УТС (со времен Платона) концепт «Математика» помогает решить вопрос времени, избавив человечество от травмы смерти. Смерть не исчезает, но она теряет для человека свою невыносимую безысходность, безвозвратную несправедливость. Она обретает смысл и даже целесообразность в контексте вечной жизни (как своеобразного «агрегатного состояния»), ее паузы. Задача человека – научиться высчитывать эти паузы, чтобы управлять временем своей настоящей и будущей жизни.

2.2. Концепт «Время» в сверхповести «Зангези»: от периферии – к центру концептосферы утопии

Хлебников изменил взгляд на традиционно второстепенный для УТС концепт «Время», в результате чего изменилось и соотношение концептов в утопической концептосфере, где обычно доминировали концепты «Благо», «Мессия», «Избранный народ», «Наука», «Труд», «Государство», «Математика» и др.

Еще в мистерии 1916 г. «Скуфья Скифа» поэтом названы три преграды на пути к счастью – время, слово и множество (число): «Я помнил слова седого жреца: у вас три осады: осада времени, слова и множеств» [38. Т. 5]. Текст содержит математические формулы, есть даже Числобог. Слово и Множество (Число) привлекаются поэтом как боги-средства, боги-помощники, подвластные мессии-ученому, в решении главной задачи науки – указать на закономерность человеческой судьбы и измерить ее во времени и пространстве. Управление временем становится Благом, тем откровением, абсолютом, которое приравнивает Человека и Бога.

Хлебников настойчиво выводит Время на первый план, а традиционным концептам УТС отводит вторые роли. Так, концепт «Государство» (ведущий концепт со времен Платона) в концепции Хлебникова оказывается на периферии: «Точные законы <...> раздевают человечество от лохмотьев государства и дают другую ткань – звездное небо» [35. Т. 6]. В «Зангези» Слово и Число укрощены и служат для героя Зангези-мессии средствами управления стихией Времени: «Я хотел найти ключ к часам человечества, быть его часовщиком и наметить основы предвидения будущего» [3. С. 169–170]. В начале сверхповести поэт-мессия «перенастраивает оптику» читателя – от приземлённого взгляда к абстрактному «новому» взгляду на себя и человека в целом. В исходной «колоде плоскостей

слова» автор открывает сокровенные «смыслы» слов Мирового языка: он «само слово разлагал на простейшие смысловые элементы и возвращался назад, к “праязыку” – а в итоге ему виделось восстановление языка, всемирный будущий язык» [2. С. 217].

Издание «Зангези» к 135-летию поэта в 2021 г. отмечает мессианство самого Хлебникова – альтер-эго Зангези – «пророка-сверхчеловека» [17. С. 4], универсализм гения, постигающего Время через сквозные темы Судьбы, Языка и Революции. В ряде произведений поэта мы видим не столько эволюцию его мессианской идеи, сколько осмысление и закрепление ее в разных прецедентных образах, культурных контекстах. Так, в стихотворении «Видите, персы, – вот я иду...» Хлебников соотнёс своё «я» с *Гушедар-махом* (мессия зороастризма) и иными его воплощениями: Вогу Мано – благая мысль; Аша Вагиста – лучшая справедливость; Кшатра Вайрия – обетованное царство [39. Т. 2]. В «Досках Судьбы» поэт уподобил себя Христу: «*Я велик. Не во всякую дверь прохожу*» [18. С. 280–281]. Вооружённый логарифмами «воин будущего» обращался не к «нищим духом», а «нищим умом». Мессия-пророк говорит о сверхспособности предвидения (ср. в «Здесь я бродил очарованный...» (1922): «*Я был единственной скважиной / Через которую будущее падало / В России ведро*» [40. Т. 2]). Управляя временем, Зангези предвидит Будущее и, постигая сакральное знание, несёт его людям. Его пророчества закодированы на новом языке, точнее, обнаруженный поэтом и скрытый от большинства тайный код, хранимый веками предшествующими поколениями и не считываемый большинством людей.

2.3. Речевое дело – ключ к Новому Миру, инструмент ускорения и преодоления проблемы времени

Словотворчество есть взрыв языкового молчания глухонемых пластов языка.

В. Хлебников

В 1922 г. О. Мандельштам писал: «Хлебников возится со словами, как крот, между тем он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие...» [17. С. 299]. Смыслы он искал в языке, – через каналы кода культуры, тайные знаки Жизни и Счастья. В языке сохранены эпохи, культуры, смена поколений. В нём закодированы и отпечатаны как тени образы прошлого и настоящего, мировые события (ср. *творецкая община тенеписьмена на тенекнигах сообщала последние новости, бросая из блистающего глаза-светоча нужные тенеписьмена*) (трактат-утопия «Лебедия будущего», 1918). Человечеству необходим новый словесный код для программы Счастливого Будущего – Мировой язык. Он обеспечит «прорыв» в Будущее.

Кому же открыты коды Мирового языка? Предсказателю всех времен и народов – ученому, астрологу, шаману, пророку. Причем наука не противопоставлена эзотерике. Мировоззрение Хлебникова определили открытия в тео-

рии пространства математика Г. Минковского: «Все события происходят в четырехмерном пространственно-временном континууме» [41. С. 96].

Свою грандиозную программу изучения Времени Хлебников раскрыл в Предисловии к «Доскам Судьбы (1-й лист). Слово о числе и наоборот» (1922). Само понятие «доски судьбы» воспринято поэтом из калмыцкой культуры, знакомой с детства: в тибетской астрологии Зурхай предмет математического расчёта времени для предсказания будущего – «зурхачин моди» (= доски судьбы). Изначально (в VII в.) Зурхай заимствовала доски судьбы из китайской астрологии. В доске и таблице *«тан-шим... сгруппированы все данные для предсказаний»* (Иродион Житецкий, 1893 г. Цит. по: [38. Т. 5]). Зурхачи пишет заострённой палочкой по доске, посыпая ее пылью и творя молитву.

В.В. Бабков пишет, что в «Досках Судьбы» Хлебников «строит чистые законы времени. “Законы времени” одинаковы для государства и для человека, славы, памяти, божества, храма и вещи» [42]. Доски судьбы показывали неслучайный набор событий. Хлебников подвел под периодичность исторического развития всех поколений и народов математическую основу. В 1922 г. в письме П. Митуричу поэт сформулирует: *«Мой основной закон времени: во времени происходит отрицательный сдвиг через 3n дней и положительный через 2n дней»* [17. С. 133]. Хлебников вычислил скорость мечты: *«Человек живёт на “белом свете” с его предельной скоростью 300 000 километров...»* (Наша основа. 1919) [35. Т. 6]. Но причём тут слово и язык?

По закону всеобщности, пронизывающему всё в УТС, откровение пророка должно дойти до всего человечества. Согласимся здесь с выводом К. Соливетти: «Хлебников мечтал о “Единой книге” как о Космографии <...> и Космогонии. Метафора “мир как стихотворение” стала <...> творческим *sredo* поэта» [15. С. 301]. Свою «Зангези» Хлебников назовет зодчеством из слов: *«Повесть строится из слов как строительной единицы здания. Единицей служит малый камень равновеликих слов. Сверхповесть, или заповесть, складывается из самостоятельных отрывков, каждый с своим особым богом, особой верой и особым уставом»* [16. С. 11]. «Строевая» единица, камень сверхповести – это повесть первого порядка. К. Соливетти именуется сверхповесть «гипертекстом»: «При выборе “носителя” информации Хлебников руководствовался исключительно утилитарными целями. Он не был книжником. Его интересовали любые подручные средства для запечатления и передачи результатов творческих поисков» [15. С. 301]. «Семиотический креационизм» Хлебникова, по К. Соливетти, базируется на трех принципах, это: а) словотворчество; б) поэтическое «воображение, вера, интуиция»; в) праформы сознания (*«азбука ума»* – «сумма универсальных мыслительных концептов, определяющих вербально-интеллектуальную деятельность человека»)» [15. С. 301]. Литературный прием зауми не просто идеально подходил творческому замыслу В. Хлебникова, но, кажется, был единственно возможным, поскольку соответствовал по функции заговорам, ворожбе, заклинальным песням и другим фор-

мам обрядового фольклора, использующим так называемую вербальную магию и обеспечивающим успех ритуального действия. Заумь Мирового языка, по замыслу поэта, объединит человечество разных религий и языков для совершения «небесного полёта». Зангези преодолевает Время силой воображения и особого восприятия.

Кроме того, пророческое слово должно было воплотиться в «великой» книге, как это было с Библией, Кораном, Авестой и т.д. Хлебников-мессия реализует слово в «заветной» Книге – «Зангези», централизующей сквозные образы, сюжеты.

Сверхповесть состоит из 21 эпизода (плоскости), словесные коды которых вводят читателя во временной континуум. Обнажая внутреннюю форму слов, для постижения власти над Временем, Зангези помогает читать новое откровение, он «распрограммирует», расшифровывает код Мирового языка, одинаково явленного и богам, и человеку, и природе.

3. Плоскости слова – переходы в культурные пласты времен. Функции гипертекста в сверхповести «Зангези»

Хлебников создает «Зангези» как новый текст-код для считывания временного континуума. Главный герой сверхповести показывает, как нужно считывать знаки Природы, показывает необычность, всеохватность и нелинейность Мирового языка. Человечеству, чтобы управлять временем, нужно поменять языковой код-программу.

Демонстрация языковых кодов-знаков (речь птиц, животных, древних богов, людей, Природы и т.д.) в Единой Книге Пророка происходит в плоскостях.

Плоскость в «Зангези» – это временной срез, точка во временном континууме, где свои знаки, «свои боги». Хлебников перенастраивает «оптику» читателя, показывая коммуникативную открытость полёта в Будущее. В Плоскости I звучат «утренние речи птиц солнцу» [16. С. 11]. В Плоскости II даны образы древнейших богов в звуковых «соответствиях»: «Истина: боги близки! – всё громче и громче. Это сонм богов всех народов, их съезд, горный табор» [16. С. 20]. Главный на съезде – Тиэн: «*ТИЭН гладит утюгом свои длинные, до земли, волосы...*» [16. С. 20]. Есть и языческие боги Велес, Юнона, Ункулункулу (в мифологии зулусов *первопредок* – основной образ в космогонии). Тиэн и Шангти – ипостаси китайских божеств. В контексте Мирового языка *Тиэн* созвучно имени бога этрусков – Тин: как Зевс, он повелевает тремя пучками молний.

Согласно утопической традиции среди многих выделяется один. Это отшельник Зангези. О нем мы узнаём со слов простодушных прохожих в Плоскости III: «*Читает, говорит, видит, слышит, ходит, по утрам молится*». Зангези – избранный. Он противостоит толпе, учит их слушать и слышать: «*Учение лесного дурака начинается. Учитель. Мы слушаем*» [16. С. 11]. Сначала Зангези воспринимается толпой как юродивый (*лесной дурак*), его слушают из любопытства, как всегда, в словах таких

площадных «дураков» (или шутов) звучит истина. Он медитирует, слова неясны.

В Плоскостях III и IV Зангези предстаёт как альтер-эго автора «Досок Судьбы», поэт, он проповедует идею преодоления времени путём создания Мирового языка для достижения цели истории. Ключ к решению проблемы времени скрыт в идее «четвёртого измерения». В Плоскости IV проходной-резонёр призывает читать, как на «тенеписи»: *«Доски Судьбы! <...> Как на тенеписи, числа-борцы пройдут перед вами, снятые в разных сечениях времени, в разных плоскостях времени. И все их тела разных возрастов, сложенные вместе, дадут глыбу времени между падениями царств, наводящих ужас»* [16. С. 29]. Р. Грюбель комментирует: «Тени судеб соединяются в строительный, ещё не обработанный временем материал. Это время, очевидно, исчисляется как промежуток между закатами великих царств» [8. С. 288]. Тени – проекции, искажённые отражения объектов, оставленные Временем на плоскостях / сечениях истории. Их нужно читать, постигать смысл, сопоставлять и рассчитывать, чтобы управлять глыбами времени. «Полное» время возможно лишь в единстве Прошлого, Будущего и Настоящего:

*Три числа! Точно я в молодости,
точно я в старости,
точно я в средних годах, вместе
идёмте по пыльной дороге! $105 + 104 + 115 = 742$ года 34 дня* [16. С. 29].

Тройную задачу – снять «осаду времени, слова и множеств» – поэт решает также и в «Досках Судьбы», и в мистерии «Взлом вселенной» (1921) (речь Сына: *«Я понял вдруг: нет времени»*) [43. Т. 4]). В «Зангези» герой измерил числом (*742 года 34 дня*) себя, получив его из суммы своих Прошлого, Настоящего и Будущего. Время Хлебников называет *«пыльной дорогой»*, т. е. это линейная (кривая, прямая, спиралевидная и т. д.) траектория движения человека. Притом эпитет *пыльная* не случаен: дорога в пыль избита-исхожена поколениями. Здесь отсылка к «доскам судьбы», которые покрыты пылью, на которых записаны формулы плоскости времени, комбинации цифр / знаков / кодов.

Перемещение через *глыбы времени* мировой истории, по этапам, и факт ускорения, «рывок» в Будущее, находим в Плоскости IV: Зангези точен в расчёте, проводимом от дат падения империй древности, и с помощью самонастроения готовит учеников к полёту во Времени. Хлебников, пребывая и в настоящем, и в «четвёртом измерении», верит в скорое реальное перемещение в Будущее.

В Плоскости V посвящённые в тайну Пророка просят Зангези рассказать словами Азбуки о текущем моменте – страшном времени войн, звучит их речь-ропот: *«<В ТОЛПЕ> Чангара Зангези пришёл! ... Смелый ходун! Мы – верующие, мы ждём. Наши очи, наши души – пол твоим шагам, неведомый. ИВОЛГА. Фио Эу»* [16. С. 35]. В речетворчестве Хлебникова Фио Эу символизирует мать-Природу.

Настоящее время в «Зангези» неблагоприятно: идёт Гражданская война, что влечёт крах гуманизма, власть смерти. В Плоскостях VI–VII есть сквозной мотив судьбы России в годы раскола:

*Вылетит ЭР, как горох из стручка, из слова Россия.
Если народ обернулся в ланей,
Если на нём рана на ране,
Если он ходит, точно олени,
Мокрую чёрною мордою тычет в ворота судьбы* [16. С. 44].

Анафора и авторское сравнение народа с раненым стадом ланей олицетворяют боль поэта о России настоящей. Война – тень-проекция, знак начала перехода в иную временную плоскость, ибо смерть (война) – форма ускорения, мгновенный перевод людской массы из настоящего в прошлое. Обезумевший в братоубийстве, ослепший народ жаждет счастья. Акценты «беззащитность», «доверчивость» означают неосмысленный поиск народом своей судьбы! Зангези-Мессия управляет судьбой осмысленно и верно. Ворота судьбы – знак недоступного пространства, связан с поиском Рая на земле: народ ищет / строит свою Утопию, совершает ошибки и проливает кровь (*рана на ране*). Это и своеобразная отсылка к циклам русской истории, к смене войны и мира. Мотив страданий человечества в несправедливом мире – это исходная константа в утопии. В Настоящем Зангези ведёт народы в Будущее – к счастью в бессмертии и вневремени.

Прорыв во времени достигим через Мировой язык – звёздную Азбуку Хлебникова. В Плоскости VIII, в звездных песнях, заявлено:

*Слова – нет, есть движения в пространстве. <...>
Это звёздные песни, где алгебра слов
Смешана с аршинами и часами. Первый набросок!
Этот язык объединит некогда <всех>,
Может быть, скоро!* [16. С. 48].

В час-икс пространство и время объединит Новый язык. Хлебников слышит счастье в образе «Эль»:

*Эль – это солнышко ласки и лени, любви!
В «улье людей» ты дважды звучишь!* [16. С. 43].

Узнаваемость образов важна как условие, потому что это и есть интертекстуальный код. Так, в утопиях образы *пчёл, пчелиного улья* всегда были символами рационального устройства общества (форма сосуществования множеств), солнце всегда необходимый атрибут любого «безоблачного» Будущего и др.

В Настоящем, однако, звучит ЭР (ср. *вылетит ЭР из слова Россия*). Это и бунт-рык русского медведя, и рык паровоза – символа промышленной эпохи рубежа веков. По Хлебникову, благодаря истории и культуре России, совестливому русскому характеру в индустриальную эру народ войдёт единым и неделимым славянским государством. «Ускорение» истории по-

может ему миновать Настоящее (*лапти из лыка*) и совершить прорыв в Будущее: «*Эр, ты – пар, ты гонишь поезда /цепочкой цуга крови чечевиц / По жилам северной Сибири*» [16. С. 44]. Образ подсолнуха символизирует расцвет России в будущем и «расцвет» её дорог: «*Расцвет дорог живёт тобою, как подсолнух*» [16. С. 44]). Россия, как подсолнух, ориентирована на безоблачное Будущее.

В «Плоскости мысли» IX (новое название плоскости) предтеча явлен звоном Благовеста в честь Ума: «*Это большой набат в колокол ума, / божественные звуки*». Ум в «Зангези» – это не Вселенский / Божественный Разум, но способность человека постичь мировую истину. Вера в разум человека – аксиома утопии. Читатель-интерпретатор наблюдает рождение мысли в разных её «видах» (*оттенках мозга*). Здесь Хлебников использует неологизмы – символы Мирового языка: Зангези призывает подхватить его песнь для концентрации общей силы: «*Все оттенки мозга пройдут перед вами на смотр всех родов разума. Вот! Пойте все вместе за мной!*» [16. С. 52]. Краткие энергичные строки записаны столбцом, текст сложен для произнесения: «*Гоум, / Соум, / Моум, / Лаум, / Чеум*». Неологизмы-звукоподражания измеряют момент перехода в Новое время = Абсолютное время = Вечность. Для России колокольный звон – выражение соборности, воплощение народного единства в принятии общего решения. Звон звучит: *Бом! Бим! Бам!* [16. С. 52]. Повторы звуковых комплексов создают образ коллективного «Разума» – невероятной мощи силы мысли Мирового языка. Особая роль у *оттенка мозга Чеум, «подымающего чашу к неведомому будущему»* [16. С. 54]. *Самовитые* слова, быстро и энергично произносимые, сливаются в гуле в один долгий звук *оом* – «...факт осознанного или бессознательного воздействия магической древнеиндийской формулы *ом [аум]*» [17. С. 127].

Концепт «Ускорение» предполагает присутствие коллективного субъекта действия, важны массовость и слаженность. В Плоскости X Зангези собирает воинство нового человечества. В новообразованиях от глагола мочь и слов *богатырь, кудесник, помощник* и др. – *могатырь, могогур, могота, можар, можары, могесник, мощник* – заявлена утопическая идея самостоятельного обустройства людьми Рая, выражена безусловная вера в могущество человека и его равенство богам: свобода от старых богов или их замена (!) новым всемогущим Человеком. Р. Грюбель пишет: «...против свирепствования зла в политической повседневности утверждается **утопически-космическое небо** как эстетически упорядоченное помещение нового Возвышенного» [8. С. 296]. Звучит мотив пути человечества, счастливой судьбы в будущем, в отличие от его настоящего – пути земного:

Я могогур и благовест Эм!

Можар! Можаров!

К Эм, этой северной звезде человечества, этому стожару всех стогов веры, – наши пути [16. С. 58].

«Новый человек» Хлебникова, обладающий космическим сознанием, объединяет мировые религии и становится не только сверхчеловеком, но и

сверхбогом (*стожар всех стогов веры*). А. Россомахин уточняет символическое содержание слова *стожар*: «Стожар – это: а) шест, который втыкают в землю в центре стога, чтобы он не наклонился; б) народное название Полярной звезды» [17. С. 128].

Образ времени как корабля человечества заявлен в развёрнутой метафоре:

К ней плывёт струг столетий.

К ней плывёт бус человечества,

гордо надув паруса государств.

Так мы пришли из владений ума в замок «Могу» [16. С. 58].

Русское парусно-гребное судно струг, с которым часто ассоциируется освоение Сибири Ермаком, символизирует плавное течение времени. В замок Будущего отправится человечество, *«гордо надув паруса государств»*, поэтому государство не отменяется пока, но оно не цель, а средство «прорыва»: оно поможет человечеству попасть в замок «Могу» (ср. хрустальные дворцы / замки утопий, символизирующие мощь человеческого разума и прогресс, вселяют надежду на то, что каждый сам может построить счастье (согласуется с идеей северной страны Шамбалы у буддистов).

В форманте мог-утопист Хлебников закрепляет главную ценность социальных утопий – осознание собственных возможностей человека, его технологические достижения в стремлении достичь могущества, равного Богу. Теперь, накопив технический и технологический опыт, получив от Зангези знания по управлению временем, человечество может совершить прорыв во временной континуум и, объединившись со всеми потомками и предшественниками, обрести своеобразное бессмертие. В финале Плоскости X звучит ответ-клятва множества: *«ТЫСЯЧА ГОЛОСОВ: ...Мы можем!!!»* [16. С. 58].

Образ хора (многоголосья человечества и природы, всеобщего земного соборования, объединения единомышленников, МЫ), как и неологизмы Хлебникова на основе глагола *мочь*, является одновременно проекцией идей революционной России начала XX в. *Мочь* стало знаком эпохи для Хлебникова и его современников. Показательны, например, переключки Плоскости X «Зангези» со стихотворением С. Городецкого из цикла «Хаос» (1906) в понимании мировой задачи Человека: *Космос скованный низложим, – / Мы ведь можем, можем, можем!* [44]. Эта же идея покорения (колонизации) космоса лежала в основе произведений А. Богданова-Малиновского, она же составила сюжетную основу романа-антиутопии Е. Замятина «Мы», интертекстуальность которого обусловлена культурными кодами УТС.

Плоскости XI–XVII коммуникативно-открыты: это диалоги о смысле истории, в которых автор исследует «военный синдром». В Плоскости XIV Зангези-Мессия исповедуется на горе, подобно Иисусу Христу, произнесшему Нагорную проповедь о создании на земле Царства Божия. Зангези одинок, как и Иисус: *«А я, божество, одинок. В ТОЛПЕ»*.

*Вперёд, шары земные!
Так я, великий, заклинаю множественным числом,
Умножарь земного шара: ковыляй толпами земель,
Земля, кружись комариным роем. Я один, скрестив руки,
Гробизны певцом.
Я небыть.
Я такович [16. С. 64].*

В новейшем комментарии к сверхповести находим: «*Такович* – ср. сербохорв. вопросительное местоимение *когович* – к какому роду, клану относится собеседник» [17. С. 129].

Современник Первой мировой войны, Хлебников в своей временной утопии не идеализировал человечество: «*Выше муравейника людей, свайная постройка битвы загромоздила небо столбами и плахами...*» [16. С. 61]. Настоящее время порождает хроническое неблагополучное, потому отвергается.

В Плоскости XIII в речи Зангези течет на первый взгляд неоформленный поток неологизмов:

*Летуры летят в собеса!
Летавль могучей виданой <...>
Крылом белоснежные махари,
Полёта усталого знахари,
Сияны веянами дахари [16. С. 63].*

Воображаемый полет Зангези дан в образе *летавля*, совершающего перемещение по небесам – *могучей виданой* (ср. санскрит *видана* – восприятие). Зангези поведал о полёте в *голубой тихославль* – силой могучего восприятия и воображения. Комментаторы данной части текста ссылаются на В. Даля, объясняя слово *дахарь* старой русской поговоркой: «*Будешь дахарь, будешь и взяхарь*» [17. С. 129]. Создателю Мирового языка нужен материал всех без исключения пластов общенационального языка, поэтому в плоскостях XIII, XVI–XVII поэт включает «профанный “язык улицы”, или “бытовой” язык <...> один из многих языковых пластов, осмыслившихся Хлебниковым и воплощённых в сверхповести» [17. С. 131].

Путешествие Зангези во времени от Древней Руси к современной поэту России XX в. изображено в Плоскости XVIII, где разворачивается метафора *Мельника времен*, соединяющего и перемалывающего Прошлое, Настоящее и Будущее:

*Мельник времён
Из костей Куликова
Плотину построил, холм черепов.
<...> Волны народов одна за другой
Катились на запад: через дважды в одиннадцатой три
Выросла в шлеме сугробов Москва,
Сказала Востоку: «Ни шагу» [16. С. 77].*

Время историческое в сверхповести определяет концепция «Москва – сердце Империи».

Москва-часовой здесь воин Времени, действующий по его точным правилам – $3^{11}x2$: *три* – это элементы полного времени, а *дважды в одиннадцатой (степени)* – это алгебраический символ множественности, приближающейся к бесконечности.

Хлебников-утопист переделывает миры – реальный и ментальный, создает мир без «точной хронологии», но по законам времени: Доски судьбы до сих пор были сложены неверно, часовой механизм стал ошибаться, поэтому потребовалось перепрограммировать / перезагрузить Время человечества. Программа управления временем (укрощения стихии) представлена в монологе Зангези в Плоскости XIX:

*Хороший плотник часов,
Я разобрал часы человечества,
Стрелку верно поставил,
Лист чисел приделал,
Вновь перечёл все времена,
<...> К руке ремешком прикрепил
Часы человечества...
Гордый, еду, починкой мозгов [16. С. 82].*

Часы человечества – на руке Мессии. Починив Время, Плотник починил Разум (*гордый починкой мозгов*). Свод знаний человечества подготовлен поэтом, то есть определен и олицетворён им:

*Идут как прежде
Глыбы ума, понятий кладу [16. С. 82].*

Образу Мессии противостоит образ-символ тирана – «*Кто сетку из чисел / Набросил на мир*» [16. С. 82], как силки на зверя (ср. *ловец человеков*).

Зангези – плоть от плоти человек (*Я ведь такой же простой и земной!*) [16. С. 86], но от имени человечества он готов командовать Вселенной:

*Я, человечество, м н е научу
Ближние солнца
Честь отдавать [16. С. 86].*

В Плоскости XIX дана планетарная картина: курганы *из пыли человечества (пыль рода людей)*, курганы *из тысячных толп, сугробы народов* собраны для перемещения через столетия – *в другие миры* [16. С. 87]. В образах заключена идея общего дела в космизме. Б. Гройс замечает: «Целью человеческой деятельности объявляется тотальная организация всей космической жизни» [30. С. 18]. К воину-пророку взывают великие столицы царств прошлого, чтобы он объединил всю мощь *диких звуков (диких копей)* [16. С. 87]. Задача – сохранить историческую память, а время и есть оружие воина (*Я воин, время – винтарь*).

Образ звуковой лавины, бега человечества, всех его поколений показан в Вечности. Важны сила и мощь звука: *Боги великие звука способны волновать пластину земли, наводить рябь, мерную зыбь на глади столетий.* Образ всадника («дикие всадников звука») не случаен и в начале, и в финале эпизода:

Мы, дикие звуки,

Мы, дикие кони.

Приручите нас <...>

Лавой беги, человечество, звуков табун оседлав.

Конницу звука взнуздай! [16. С. 87].

В финале звуковая лавина сменяется русской метелью, бураном: «*Свищем и дышим. / Сугробы народов метём*» [16. С. 87].

Неожиданно восторженно-счастливая Плоскость XIX сменяется скептически-мрачной Плоскостью XX. В предпоследней Плоскости XX Мессия удаляется. По замыслу автора Зангези должен победить смерть. Для воплощения этой идеи вводятся фольклорные персонажи – Смех (мужской персонаж), Горе (женский персонаж) и Старик (Судьба). Горе – возлюбленная Смеха, его спутница, неразлучная с мировой печалью. Смех и Горе идут вместе, соперничая друг с другом, «*как две ошибки*» [16. С. 89]. Скорее всего, образ Горя навеян Хлебникову образом Барышни Смерти из драмы «*Ошибка Смерти (Тринадцатый гость)*» (1915) [45]. Эта часть текста оказывается вне событийного плана сверхповести, вне истории: время здесь не течёт, оно пребывает в образе Старика (*Хранитель точности – Веду торговые счета* [16. С. 93]), который даёт в том числе и право на гроб: *Я роздал людям пай на гроб, / их увенчал венками зависти* [16. С. 93]. И снова Смерть объявляется главным препятствием на пути к счастью, главным, непреодолимым пока предметом зависти живущих в Настоящем.

Поединок Смеха с Горем описан в духе балагана [16. С. 94–95]. При кажущейся оторванности этой плоскости от предыдущих мы всё же наблюдаем связи: в тексте звучит заклинание: *Час и череп, чёт и нечет!* [16. С. 94–95]. Здесь *чёт и нечет* эквивалент «*двоек*» и «*троек*», которые составляют у Хлебникова математическую формулу управления временем, смены Досок Судьбы. Исследуя концепцию смерти у Хлебникова, Д. Пашкин пишет: «Хлебников проводит грандиозный эксперимент, провоцируя так сказать “сверхполилог” в ничем не ограниченных координатах Времени, Вселенной и самого Человека» [12].

Финал Плоскости XXI шокирует: мнимо покончивший с собой или воскресший, Зангези входит в кафе «Весёлое место»: – *Зангези жив / Это была неумная шутка. Продолжение следует*» [16. С. 96]. Предположим, Зангези победил смерть, смог «переместиться», «ускориться», управляя Временем и судьбой, что вполне соответствует замыслу Хлебникова. В новейшем комментарии к Плоскости XXI читаем, что неожиданное возрождение Зангези, а также обещание «продолжения» отсутствуют в рукописи, «это добавление было внесено, вероятно, на этапе корректуры» [13. С. 135].

Меняя плоскости слова, Зангензи меняет и временные планы; он открывает новые грани Мирового языка; разноплановость слов-знаков создаёт широчайший гипертекст, который выступает как тексто- и идееобразующий фактор не только в завершающей сверхповести, но и в масштабе всего творчества Хлебникова, придавая целостность и связность его творениям, а самой сверхповести «Зангези» – статус итоговой большой поэтической формы.

Выводы

1. Концепт «Время» – главный концепт-инструмент в концептосфере утопического типа сознания В. Хлебникова, поскольку, в его понимании, только решение проблемы времени способно решить проблему всеобщего и абсолютного счастья. Все иные традиционные концепты утопий (Пространство (Локус), Государство, Благо, Труд, Жизнь, Смерть, Власть, Равенство и др.) оказываются вторичными и наполняются содержанием в зависимости от решения вопроса времени.

2. Концепт «Время» не затрагивает статуса концептов «Счастье», «Мессия», «Избранность» и «Всеобщность», содержание которых всегда меняется в УТС в зависимости от того, какие концепты-инструменты выбираются утопистом. Конституирующие функции этих концептов для УТС сохраняются.

3. Хлебников использует традиционную для УТС первой трети XX в. идею управления, но не людьми, а временем. Управляющий – это Мессия. Он не только тот, кто руководит временем, но и тот, кто открыл этот всемирный закон и несёт знание о нём людям, для чего создаёт Мировой язык и пишет на нём Книгу знания о времени.

4. Концепт «Ускорение», который самостоятельно заявил о себе в УТС в начале XX в., с нашей точки зрения, стал толчком к переосмыслению Хлебниковым концептосферы УТС и концепта «Время». «Ускорение», будучи концептом-инструментом достижения счастливого Будущего, беспощаден к Прошлому и Настоящему. Хлебникова не устраивает возникшая «дискриминация прошлых поколений в пользу будущих», потому что ускорение сворачивает (как второстепенное) Настоящее ради Будущего и не приближает Счастье для живущего поколения. Зависть предшествующих поколений в отношении будущих остаётся, как и неизбежность смерти и травма скоротечности жизни. Именно эту несправедливость устраняет идея времени В. Хлебникова – счастье сразу для всех поколений ныне живущих, ушедших и будущих. Ускорение нужно для освоения знаний о Законе Времени для перехода, но не только в Будущее, но во все времена сразу, для объединения всех поколений – «сверстанного человечества», существующего во временном континууме.

5. Сверхповесть «Зангези» – это поэма о Мессии, однако концепт «Мессианство» неотделим от концепта «Избранность (Избранный народ)». В «Зангези» таким народом назначен народ России, перед которым стоит задача – быть вечным воином-защитником мира, первым воспринявшим новое знание о Времени.

6. Для ускорения перехода во временной континуум человечеству нужно учиться читать на Мировом языке. Это особый код, понятный Природе, Вселенной, который хранится «запечатанным» в нашем языке, и наша задача – научиться его расшифровывать, читать мир как текст. В. Хлебников-мессия открыл этот язык для избранных и посвящённых, тайнопись времён прочитана. «Самовитое» слово поэта учит переходить в разные «плоскости» мысли и времени, читать предсказания на «досках судьбы». Заумь становится новым кодом и ключом к пониманию «посланий» предшествующих поколений, она призвана подготовить сознание людей для чтения «теней» событий мировой истории. Именно заумь включает мысль в широчайший гипертекст.

7. Временной континуум Хлебникова – это пространство свободы, спасения от тысячелетнего страха смерти. Это то пространство, где достижимо абсолютное счастье для всего человечества, потому что только полное время объединяет и уравнивает в праве на счастье все поколения людей одновременно, в нём происходит вселенское, вневременное объединение человечества («сверстанное человечество»). Смерть не отрицается, но она не пугает человека, так как является всего лишь необходимой «паузой» жизни перед перерождением в новом статусе.

8. Отмеченная «монтажность» сверхповести «Зангези» и трактата «Доски Судьбы» оказывается идейно обусловленной чертой содержания и формы, жанрового своеобразия итоговых произведений В. Хлебникова, которая объединила эти произведения с другими его творениями, завершив единую книгу-послание миру, современникам и потомкам.

9. Новаторство В. Хлебникова синкретично: оно затрагивает все пласты и уровни художественного восприятия мира в его познании. Кроме того, новаторство утопической модели Хлебникова затронуло статичную концептосферу утопического типа сознания, что происходит в утопической литературе достаточно редко.

Список источников

1. *Якобсон Р.* Из мелких вещей Велимира Хлебникова: «Ветер-пение...» // Работы по поэтике. М. : Прогресс, 1987. С. 250–253.

2. *Альфонсов В.Н.* Чтобы слово смело пошло за живописью: (В. Хлебников и живопись) // Литература и живопись. Л., 1982. С. 205–226.

3. *Хлебников В.* Творения: сб. / сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева, А.Е. Парниса ; общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова. М. : Сов. писатель, 1986. 734 с.

4. *Дуганов Р.* Поэт, история, природа: К 100-летию со дня рождения В. Хлебникова // Вопросы литературы. 1985. № 10. С. 130–162.

5. *Ковтун Е.Ф.* Русская футуристическая книга. М. : РИП-Холдинг, 2014. 230 с.

6. *Марков В.* О Хлебникове (попытка апологии и сопротивления) // О свободе в поэзии: Статьи. Эссе. Разное. СПб., 1994. 366 с.

7. *Баран Х.* О Хлебникове. Контексты, источники, мифы. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 416 с.

8. *Грюбель Р.* «Зангези» Хлебникова как контрфактура литургического синтеза искусств // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Коммен-

тарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. М. 2021. С. 286–297.

9. Крусанов А.М. Русский авангард: исторический обзор : в 3 т. Т. 2, кн. 2: Футуристическая революция 1917–1921. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 608 с.

10. Кукуй И. Сверхповесть В. Хлебникова «Зангези» как гибридный текст // Гибридные формы в славянских культурах : сб. ст. / отв. ред. Н.В. Злыднева. М., 2014. С. 222–231.

11. Лоцилов И. ХХ плоскость сверхповести Велимира Хлебникова «Зангези» («Горе и смех») и её «развитие» у поэтов ОБЭРИУ 1927–1929 // Modernités russes. Année 2009. № 8. P. 407–435. URL: https://www.persee.fr/doc/modru_0292-0328_2009_num_8_1_1480 (дата обращения: 20.07.2022).

12. Пашкин Д.А. Феномен смерти в текстах Велимира Хлебникова: некоторые аспекты проблемы : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2001. 248 с. // Электронная библиотека диссертаций DissertCat [сайт]. URL: <https://www.dissertat.com/content/fenomen-smerti-v-tekstakh-velimira-khlebnikova-nekotorye-aspekty-problemy> (дата обращения: 20.07.2022).

13. Россомахин А. «Зангези» 1922 / 2020 // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. М., 2021. С. 9–11.

14. Андреева С.Л., Бедрикова М.Л. Концепты «Мессианство» и «Избранность» в романе-фантастике В. Аксёнова «Вольтерьянцы и вольтерьянки»: историко-культурный контекст // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 193–224.

15. Соливетти К. Сверхповесть «Зангези» как гипертекст // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. М., 2021. С. 298–307.

16. Хлебников В. Зангези: Сверхповесть. М. : Бослен, 2020. 272 с.

17. Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. М. : Бослен, 2021. 416 с.

18. Вроон Р. Генезис замысла сверхповести «Зангези»: (К вопросу об эволюции лирического «я» у Хлебникова) // Сверхповесть «Зангези» Велимира Хлебникова: Новая текстология. Комментарий. Рецепция. Документы. Исследования. Иллюстрации / сост. и науч. ред. А.А. Россомахин. М., 2021. С. 268–285.

19. Рудакова С.В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

20. Флоренский П.А. Иконостас / вступ. ст. игумен Андроник (Трубачев) и др.; подгот. текста и коммент. А.Г. Дунаева. М. : Искусство, 1995. 254 с.

21. Платон. Тимей // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3 / под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи ; вступ. ст. и примеч. А.Ф. Лосева. М., 1990. С. 421–500.

22. Аристотель. Категории // Сочинения : в 4 т. Т. 2 / вступ. ст. и примеч. З.Н. Микеладзе. М., 1978. С. 51–90.

23. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 3 / вступ. ст. и примеч. И.Д. Рожанского. М., 1981. С. 59–262.

24. Гайденко П.П. Время и вечность: парадоксы континуума // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 110–136.

25. Вернадский В.И. Пространство и время в живой и неживой природе // В.И. Вернадский // Философские мысли натуралиста. М., 1988. 520 с

26. Казарян В.П. Понятие времени в системе научного знания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 176 с.

27. Хокинг С., Пенроуз Р. «Природа пространства и времени» / [пер. с англ. А. Беркова, В. Лебедева]. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009. 171 с.

28. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М., 1997. С. 51–61.
29. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2001. 900 с.
30. Гройс Б. Русский космизм: антология. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с.
31. Мильдон В.И. История и утопия как типы сознания // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 15–24.
32. Хлебников В. Утёс из будущего // Хлебников В. Творения : сб. / сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева, А.Е. Парниса ; общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова. М. : Сов. писатель, 1986. С. 566. URL: <https://rvb.ru/20vek/khlebnikov/tekst/04prose/246.htm> (дата обращения: 20.07.2022).
33. Хлебников В. Труба марсиан // Электронная библиотека «Собрание классики Lib.ru [сайт]. URL: http://az.lib.ru/h/hlebnikov_w/text_0040.shtml (дата обращения: 20.07.2022).
34. Хлебников В. Мысли и заметки (из тетрадей и записных книжек разных лет) // Собр. соч. : в 6 т., 2 кн. Т. 6, кн. 2. М., 2006. С. 73–104.
35. Хлебников В. Наша основа // Собр. соч. : в 6 т. Т. 6, кн. 1. М., 2005 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-061/hlebnikov-ss06-061.html#s002040> (дата обращения: 12.02.2021).
36. Хлебников В. Доски Судьбы // Собр. соч. : в 6 т., 2 кн. Т. 6, кн. 2. М. : ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2006. С. 9–70. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/khlebnikov_velimir_sobranie_sochineniy_v_shesti_tomakh_tom_6_2_2006.pdf (дата обращения: 20.07.2022).
37. Андреева С.Л. Использование математических терминов в тексте романа Е. Замятина «Мы» // Современные проблемы науки и образования : материалы XLV внутри-вуз. науч. конф. МаГУ. Магнитогорск, 2007. С. 127.
38. Хлебников В. Скуфья Скифа // Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. М., 2004 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-05/hlebnikov-ss06-05.html#s003024> (дата обращения: 12.02.2021).
39. Хлебников В. Видите, персы, вот я иду... // Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. М., 2001 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-02/hlebnikov-ss06-02.html#s002086> (дата обращения: 20.03.2021).
40. Хлебников В. Здесь я бродил очарованный // В. Хлебников: Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2001 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-02/hlebnikov-ss06-02.html#s002286> (дата обращения: 20.03.2021).
41. Джонс М., Флакман Л. Физика «невероятного» времени. М. : АСТ, 2014. 314 с.
42. Бабков В.В. Контексты Досок Судьбы // Велимир Хлѣбников. Доски Судьбы. Реконструкция текста, составление, комментарий, очерк. М., 2000. С. 151–186. URL: https://www.ka2.ru/nauka/babkov_boards_2.html (дата обращения: 20.01.2022).
43. Хлебников В. Взлом вселенной // Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. М., 2003 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-04/hlebnikov-ss06-04.html#s002007> (дата обращения: 20.01.2022).
44. Городецкий С. Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1974. 638 с.

References

1. Jakobson, R. (1987) Iz melkikh veshchey Velimira Khlebnikova: “Veter-penie...” [From the small works of Velimir Khlebnikov: “Wind-singing...”]. In: Jakobson, R. *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. Moscow: Progress. pp. 250–253.
2. Al’fonsov, V.N. (1982) Chtoby slovo smelo poshlo za zhivopis’yu (V. Khlebnikov i zhivopis’) [So that the word boldly follows painting (V. Khlebnikov and painting)]. In:

Iyezuitov, A.N. (ed.) *Literatura i zhivopis'* [Literature and Painting]. Leningrad: Nauka. pp. 205–226.

3. Khlebnikov, V. (1986) *Tvoreniya: sbornik* [Creations: Collection]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

4. Duganov, R. (1985) Poet, istoriya, priroda. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. Khlebnikova [Poet, History, Nature. To the 100th anniversary of the birth of V. Khlebnikov]. *Voprosy literatury*. 10. pp. 130–162.

5. Kovtun, E.F. (2014) *Russkaya futuristicheskaya kniga* [Russian Futuristic Book]. Moscow: RIP-Kholding.

6. Markov, V. (1994) O Khlebnikove (popytka apologii i soprotivleniya) [About Khlebnikov (an attempt of apology and resistance)]. In: Markov, V. *O svobode v poezii: Stat'i. Esse. Raznoe* [About Freedom in Poetry: Articles. Essay. Miscellanea]. Saint Petersburg: Izd-vo Chernyshova.

7. Baran, H. (2002) *O Khlebnikove. Konteksty, istochniki, mify* [About Khlebnikov. Contexts, sources, myths]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

8. Grübel, R.G. (2021) “Zangezi” Khlebnikova kak kontrfaktura liturgicheskogo sinteza iskusstv [Zangezi by Khlebnikov as a counterfactual of the liturgical synthesis of the arts]. In: Rossomakhin, A.A. (ed.) *Sverkhpovest' “Zangezi” Velimira Khlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentariy. Retseptsiya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustratsii* [Sverkhpovest Zangezi by Velimir Khlebnikov: New textology. A comment. Reception. Documentation. Research. Illustrations]. Moscow: Boslen. pp. 286–297.

9. Krusanov, A.M. (2003) *Russkiy avangard: istoricheskiy obzor* [Russian Avant-Garde: A historical review]. Vol. 2. Book 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Kukuy, I. (2014) Sverkhpovest' V. Khlebnikova “Zangezi” kak gibridnyy tekst [Khlebnikov's sverkhpovest Zangezi as a hybrid text]. In: Zlydneva, N.V. (ed.) *Gibridnye formy v slavyanskikh kul'turakh* [Hybrid Forms in Slavic Cultures]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS. pp. 222–231.

11. Loshchilov, I. (2009) XX ploskost' sverkhpovesti Velimira Khlebnikova “Zangezi” (“Gore i smekh”) i ee “razvitiye” u poetov OBERIU 1927–1929 [20th plane of Velimir Khlebnikov's sverkhpovest “Zangezi” (“Woe and Laughter”) and its “development” among the poets of OBERIU, 1927–1929]. *Modernités russes*. 8. pp. 407–435. [Online] Available from: https://www.persee.fr/doc/modru_0292-0328_2009_num_8_1_1480. (Accessed: 20.07.2022).

12. Pashkin, D.A. (2001) *Fenomen smerti v tekstakh Velimira Khlebnikova: nekotorye aspekty problemy* [The phenomenon of death in the texts of Velimir Khlebnikov: some aspects of the problem]. Philology Cand. Diss. Tyumen. [Online] Available from: <https://www.dissercat.com/content/fenomen-smerti-v-tekstakh-velimira-khlebnikova-nekotorye-aspekty-problemy>. (Accessed: 20.07.2022).

13. Rossomakhin, A. (2021) “Zangezi” 1922/2020 [Zangezi, 1922/2020]. In: Rossomakhin, A.A. (ed.) *Sverkhpovest' “Zangezi” Velimira Khlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentariy. Retseptsiya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustratsii* [Sverkhpovest Zangezi by Velimir Khlebnikov: New textology. A comment. Reception. Documentation. Research. Illustrations]. Moscow: Boslen. pp. 9–11.

14. Andreeva, S.L. & Bedrikova, M.L. (2020) Concepts “messianism” and “chosenness” in Vasily Aksyonov's phantasmagoria novel Voltairian Men and Women: a historical and cultural context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 66. pp. 193–224. (In Russian).

15. Solivetti, K. (2021) Sverkhpovest' “Zangezi” kak gipertekst [Sverkhpovest Zangezi as a hypertext]. In: Rossomakhin, A.A. (ed.) *Sverkhpovest' “Zangezi” Velimira Khlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentariy. Retseptsiya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustratsii* [Sverkhpovest Zangezi by Velimir Khlebnikov: New textology. A comment. Reception. Documentation. Research. Illustrations]. Moscow: Boslen. pp. 298–307.

16. Khlebnikov, V. (2020) *Zangezi: Sverkhpovest'* [Zangezi: Super story]. Moscow: Boslen.
17. Rossomakhin, A.A. (ed.) (2021) *Sverkhpovest' "Zangezi" Velimira Khlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentariy. Retseptsiya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustratsii* [Sverkhpovest Zangezi by Velimir Khlebnikov: New textology. A comment. Reception. Documentation. Research. Illustrations]. Moscow: Boslen.
18. Vroon, R. (2021) Genesis zamysla sverkhpovesti "Zangezi" (K voprosu ob evolyutsii liricheskogo "ya" u Khlebnikova) [Genesis of the idea of the sverkhpovest Zangezi (On the question of the evolution of the lyrical "I" in Khlebnikov)]. In: Rossomakhin, A.A. (ed.) *Sverkhpovest' "Zangezi" Velimira Khlebnikova: Novaya tekstologiya. Kommentariy. Retseptsiya. Dokumenty. Issledovaniya. Illyustratsii* [Sverkhpovest Zangezi by Velimir Khlebnikov: New textology. A comment. Reception. Documentation. Research. Illustrations]. Moscow: Boslen. pp. 268–285.
19. Rudakova, S.V. & Regetsi, I. (2020) K voprosu izucheniya fenomena schast'ya [On the issue of studying the phenomenon of happiness]. *Libri Magistri*. 3 (13). pp. 49–75.
20. Florenskiy, P.A. (1995) *Ikonoostas* [Iconostasis]. Moscow: Iskusstvo.
21. Plato. (1990) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 421–500.
22. Aristotle. (1978) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 51–90.
23. Aristotle. (1981) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 59–262.
24. Gaydenko, P.P. (2000) Vremya i vechnost': paradoksy kontinuuma [Time and Eternity: Paradoxes of the Continuum]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 110–136.
25. Vernadskiy, V.I. (1988) *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical Thoughts of a Naturalist]. Moscow: Nauka.
26. Kazaryan, V.P. (1980) *Ponyatie vremeni v sisteme nauchnogo znaniya* [The Concept of Time in the System of Scientific Knowledge]. Moscow: Moscow State University.
27. Hawking, S. & Penrose, R. (2009) *"Priroda prostranstva i vremeni"* [The Nature of Space and Time]. Translated from English by A. Berkov & V. Lebedev. Saint Petersburg: Amfora.
28. Arutyunova, N.D. (1997) Vremya: modeli i metafory [Time: models and metaphors]. In: Arutyunova, N.D. & Yanko, T.E. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language. Language and time]. Moscow: Indrik. pp. 51–61.
29. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
30. Groys, B. (2015) *Russkiy kosmizm. Antologiya* [Russian Cosmism. Anthology]. Moscow: Ad Marginem Press.
31. Mil'don, V.I. (2006) Istoriya i utopiya kak tipy soznaniya [History and utopia as types of consciousness]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 15–24.
32. Khlebnikov, V. (1986) *Tvoreniya: sbornik* [Creations: Collection]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. P. 566. [Online] Available from: <https://rvb.ru/20vek/khlebnikov/tekst/04prose/246.htm>. (Accessed: 20.07.2022).
33. Khlebnikov, V. (1999) Truba marsian [Trumpet of the Martians]. *Lib.ru*. [Online] Available from: http://az.lib.ru/h/hlebnikov_w/text_0040.shtml. (Accessed: 20.07.2022).
34. Khlebnikov, V. (2006) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Book 2. Moscow: IWL RAS. pp. 73–104.
35. Khlebnikov, V. (2005) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Book 1. Moscow: IWL RAS. [Online] Available from: <https://ruslit.rau.ru/book/hlebnikov-ss06-061/hlebnikov-ss06-061.html#s002040>. (Accessed: 12.02.2021).
36. Khlebnikov, V. (2006) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Book 2. Moscow: IWL RAS. pp. 9–70. [Online] Available from: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/khlebnikov_velimir_sobranie_sochineniy_v_shesti_tomakh_tom_6_2_2006.pdf. (Accessed: 20.07.2022).

37. Andreeva, S.L. (2007) Ispol'zovanie matematicheskikh terminov v tekste romana E. Zamyatina "My" [The use of mathematical terms in the text of the novel "We" by E. Zamyatin]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University. P. 127. (In Russian).

38. Khlebnikov, V. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collective Works]. Vol. 5. Moscow: IWL RAS. [Online] Available from: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-05/hlebnikov-ss06-05.html#s003024>. (Accessed: 12.02.2021).

39. Khlebnikov, V. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: IWL RAS; Nasledie. [Online] Available from: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-02/hlebnikov-ss06-02.html#s002086>. (Accessed: 20.03.2021).

40. Khlebnikov, V. (2001) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: IWL RAS. [Online] Available from: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-02/hlebnikov-ss06-02.html#s002286>. (Accessed: 20.03.2021).

41. Jones, M.D. & Flaxman, L. (2014) *Fizika "neveroyatnogo" vremeni* [This Book is from the Future: A journey through portals, relativity, worm holes, and other adventures in time travel]. Translated from English. Moscow: AST.

42. Babkov, V.V. (2000) Konteksty Dosok Sud'by [Contexts of the Boards of Destiny]. In: Khlebnikov, V. *Doski Sud'by. Rekonstruktsiya teksta, sostavlenie, kommentariy, ocherk* [Boards of Destiny. Reconstruction of the text, compilation, commentary, essay]. Moscow: Rubezh stoletiy. pp. 151–186. [Online] Available from: https://www.ka2.ru/nauka/babkov_boards_2.html. (Accessed: 20.01.2022).

43. Khlebnikov, V. (2003) *Sobranie sochineniy* [Collective Works]. Vol. 4. Moscow: IWL RAS. [Online] Available from: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-04/hlebnikov-ss06-04.html#s002007>. (Accessed: 20.01.2022).

44. Gorodetskiy, S. (1974) *Sikhovvoreniya i poemy* [Poems and Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

Информация об авторах:

Андреева С.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: 216zamsv@mail.ru

Бедрикова М.Л. – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия). E-mail: mlbedrikova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.L. Andreeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: 216zamsv@mail.ru

M.L. Bedrikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: mlbedrikova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.08.2022;
одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 05.03.2023.*

*The article was submitted 01.08.2022;
approved after reviewing 11.08.2022; accepted for publication 05.03.2023.*